

I.

Новые рубежи

1. ВЫБОРЫ 2007 г.

Президентские выборы, состоявшиеся во Франции 22 апреля и 6 мая 2007 г., за которыми 10 и 17 июня последовали очередные выборы в нижнюю палату парламента – Национальное собрание, могли показаться простым сохранением политического статус-кво, существовавшего последние пять лет второго мандата Жака Ширака на посту главы государства. В самом деле, в Елисейском дворце место Ширака занял лидер его же правоцентристской партии «Союз за народное движение» (СНД) Никола Саркози, получивший месяцем спустя столь же прочное, как и прежде, правительственное большинство в парламенте. Левые силы во главе с Социалистической партией остались в оппозиции, но отнюдь не были разгромлены наголову и даже несколько увеличили своё парламентское представительство.

Однако такое впечатление было обманчивым. Хотя речь не шла о полном «разрыве с прошлым», который сулили все кандидаты как справа, так и слева, тот факт, что Франция вступает в новый этап своей долгой и бурной истории, не подлежал сомнению.

Это заметно повысило накал предвыборной борьбы. Резким контрастом выборов 2007 г. по сравнению с предыдущими оказалось прежде всего поведение избирателей. Опровергая стереотипы об органически присущей современному «обществу потребления» на Западе деполитизации, французы продемонстрировали на сей раз небывалый интерес к предвыборной кампании. Газетные киоски брались с боем, теледебаты политиков били все рекорды по числу зрителей, в залах и даже на стадионах, где проходили митинги ведущих кандидатов, не хватало

мест и толпы посетителей оставались у входа. В первом туре президентских выборов в голосовании приняли участие 84,8% зарегистрированных избирателей – больше, чем в 1965, 1969, 1988, 1995 и 2002 гг. Выше их активность была только в 1974 и 1981 гг., когда решался вопрос о приходе к власти союза левых сил во главе с лидером соцпартии Франсуа Миттераном после 23 лет безраздельного господства правых – голлистов и либералов.

Неожиданный подъём гражданских чувств после четверти века нараставшего равнодушия был во многом связан со сменой поколений. С начала 80-х гг. центральными фигурами в политической жизни страны являлись социалист Ф. Миттеран и неоголист Ж. Ширак. Сначала один, потом другой занимали пост главы государства два срока подряд: один провёл в Елисейском дворце 14 лет, другой 12 (в связи с сокращением в 2000 г. мандата главы государства с семи до пяти лет). Хотя между ними была ощутимая разница в характерах, взглядах, предвыборных платформах, оба принадлежали к поколениям, духовно и интеллектуально сформированным драматическими событиями первой половины XX в., прежде всего войнами (мировой, «холодной», колониальными в Индокитае и Алжире), причём в некоторых из них Ф. Миттеран и Ж. Ширак принимали личное участие. Став лидерами основных политических лагерей – левого и правого, они делили между собой ответственность за нерешённость новых проблем, с которыми столкнулась страна в начале XXI в.

Между тем избирательный корпус Франции существенно изменился. В 2006 г. начался массовый уход на пенсию «бэби-бумеров» – представителей родившегося после Второй мировой войны многочисленного поколения, заявившего о своём совершеннолетию бурными событиями мая 1968 г. На авансцену выступает второе послевоенное поколение французов, для которого идейные сражения между социализмом и капитализмом представляют собой далёкую историю, не вызывающую более каких-либо эмоций. От политиков они ждут не идеологических заклинаний, а чётких

ориентиров в бурном, опасном глобализированном мире и прагматичных подходов к конкретным вопросам с учётом новых реалий. В их глазах последние десятилетия, олицетворяемые тяжелобольным 80-летним Миттераном и дискредитированным коррупционными скандалами 75-летним Шираком, представлялись эпохой застоя. Тем более, что на протяжении полувековой политической карьеры оба не раз меняли свой идейный багаж, а порой и партийную принадлежность в зависимости от поворотов конъюнктуры. Между тем в ведущих странах Евросоюза – Великобритании, Германии, Италии, Испании – политики, родившиеся после Второй мировой войны, пришли к власти уже в середине 90-х гг. прошлого века. В итоге во французском обществе накопилась критическая масса ожиданий перемен.

В то же время значительная часть французов, особенно пожилых, опасалась, что такие перемены поставят под удар стабильность, а вместе с ней и социальные гарантии, завоеванные тяжёлым трудом, лишениями и многолетней борьбой. Естественно, что представители этих категорий видят в реформах угрозу своим интересам. Поэтому надежды на перемены переплетаются со страхом перед ними.

Такие двойственные, противоречивые настроения, основанные, с одной стороны, на стремлении к модернизации экономики, социальных отношений, внешней и внутренней политики, с другой – на консервативной инерции прошлого, характерны для всех сегментов современного французского общества. Их разделяют, хотя и в разной степени, рабочие и фермеры, средний класс и интеллигенция, чиновничество и предприниматели. Каждый хотел, чтобы цену за реформы платил другой. В результате традиционный раскол избирательного корпуса на левых, исторически связанных с идеей прогрессивных реформ, и правых, считавшихся защитниками существующего порядка, приобрёл новые измерения. Если первые стремятся сохранить и расширить уже достигнутые за послевоенный период социальные завоевания, то вторые добиваются их ревизии, обвиняя своих противников в саботаже модернизации.

Перемена мест слагаемых французского политическо-го уравнения осложнялась тем, что вся предшествовавшая выборам легислатура 2002–2007 гг. прошла под знаком безраздельного господства правых партий: президентом был Ширак, премьер-министром – либерал Раффарен, затем неоголист де Вильпен. Начав постепенный демонтаж модели первых послевоенных десятилетий, но столкнувшись с упорным сопротивлением вплоть до уличных беспорядков, они проиграли все промежуточные выборы – муниципальные, региональные, в Европарламент. Казалось, что в таких условиях реванш левой оппозиции заведомо обеспечен.

Однако ситуация сложилась по-иному: глубокий раскол левого лагеря и сплочение правого благодаря своевременной смене руководства изменили расстановку сил, придав кампании характер поединка новых лидеров, олицетворявших смену поколений политической элиты страны.

Согласно действующей Конституции, выборы президента Пятой республики проводятся всеобщим прямым и тайным голосованием в два тура. Для избрания в первом необходимо получить абсолютное большинство – более 50% голосов избирателей, принявших участие в голосовании, и при этом не менее четверти зарегистрированных избирателей. Если такого результата не добился никто, то две недели спустя проводится баллотировка, где соперниками остаются два кандидата, набравшие в первом туре больше голосов, чем остальные.

В 2007 г. список для голосования перед первым туром включал 12 кандидатов. Это не было рекордом – на предыдущих президентских выборах 2002 г. их насчитывалось 16. Дело в том, что порядок выдвижения кандидатур на пост главы государства во Франции не слишком строг: необходимо лишь получить письменную поддержку 500 выборных лиц – депутатов, сенаторов, членов региональных, генеральных (департаментских) советов, мэров и т.д. А поскольку коммун больше 36 тыс., это по силам представителям даже мелких партий, кандидаты которых не могут надеять-

ся на избрание. Однако сам факт участия в предвыборной гонке имеет немалое значение – он открывает возможности для пропаганды тех или иных лозунгов, создаёт перед вторым туром условия для торга с ведущими претендентами за учёт интересов тех или иных категорий избирателей, а заодно и поддержку на будущих выборах более низкого уровня (парламентских, кантональных, региональных, муниципальных), участие в дележе административных постов. К тому же всем кандидатам предоставляется равное эфирное время на двух государственных телеканалах, а тем, кто собрал более 5% поданных голосов, возмещается из госбюджета часть средств, затраченных на проведение их кампаний.

С самого начала было ясно, что серьёзными претендентами на Елисейский дворец будут представители ведущих партий двух лагерей, на которые делится французское политическое поле, – либерально-голлистского «Союза за народное движение» (СНД) в правом, Социалистической партии – в левом. Однако вокруг отбора конкретных кандидатур в каждом из них развернулась острая борьба. Уходящий президент Ширак явно хотел бы видеть своим преемником не амбициозного председателя СНД, министра внутренних дел Никола Саркози, а премьер-министра, бывшего генсека Елисейского дворца Доминика де Вильпена. В то же время у социалистов кадровая «обойма» покойного президента Миттерана – бывшие премьеры Лоран Фабиус, Лионель Жоспен, бывшие министры экономики и финансов Доминик Строс-Кан, культуры и образования Жак Ланг – упорно сопротивлялась кандидатуре малоизвестной ранее Сеголен Руаяль, в то время гражданской жене первого секретаря соцпартии Франсуа Олланда.

Тот факт, что Саркози и Руаяль, люди одного возраста (тогда 52 и 54 года), добились выдвижения вопреки противодействию верхушки их собственных лагерей, давал обоим возможность приобрести выигрышный ореол «новых людей», хотя у каждого уже имелся за плечами немалый политический опыт. Это особенно касалось Саркози – члена

двух непопулярных последних правительств при Шираке, причём на ключевых постах министра внутренних дел и финансов: он мог сослаться на солидный опыт и в то же время выступать перед избирателями в роли оппозиционера внутри собственного большинства.

Оригинальности обоим добавлял нестандартный профиль сына эмигранта из Венгрии в одном случае, привлекательной женщины с четырьмя детьми – в другом. Остальные десять кандидатов либо уже участвовали в предыдущих президентских выборах и успели примелькаться, либо являлись маргиналами, не имевшими сколько-нибудь серьёзной организационно-партийной опоры.

Программы ведущих кандидатов уделяли основное внимание внутренним вопросам, тогда как внешняя политика оставалась на втором плане.

Саркози, являвшийся министром внутренних дел вплоть до апреля 2007 г. и имевший благодаря этому возможность использовать административный ресурс корпуса префектов, подчинённого МВД, обещал французам прежде всего обеспечить их личную безопасность – применять максимальные наказания к рецидивистам, в том числе несовершеннолетним, улучшить оснащение правоохранительных органов, реформировать судебную систему.

Коль скоро в представлении многих избирателей преступность во многом ассоциировалась с иммиграцией, он предлагал ужесточить иммиграционную политику – отказаться от практики массовой выдачи документов нелегалам и предоставлять право на воссоединение семей только тем иностранцам, которые имеют работу и жильё.

В его выступлениях всячески подчёркивались национально-патриотические мотивы (культурная идентичность французов, гордость великим прошлым Франции, отказ от «покаяния» за колониальное прошлое и т.д.). Эти лозунги явно адресовались протестному электорату ультраправого Национального фронта, чей харизматический (хотя уже престарелый) лидер Жан-Мари Ле Пен вышел на предыдущих президентских выборах 2002 г. во второй тур,

опередив кандидата соцпартии, тогдашнего премьера Лионеля Жоспена.

В социально-экономических вопросах программа Саркози строилась на идее реабилитации «ценности труда» – предпочтении более высоких заработков сокращению рабочего времени и перераспределению доходов («больше работать, чтобы больше зарабатывать»). Речь шла о том, чтобы «смягчить» введённую социалистами 35-часовую рабочую неделю, предоставить налоговые скидки на сверхурочные, отменить налог на наследство для большинства граждан, снизить налог с акционерных обществ, придать большую гибкость рынку труда введением единого трудового договора, преодолев нынешнее резкое отличие постоянного договора от временного. Итогом должно было стать снижение к 2012 г. безработицы в полтора-два раза – до 5%.

Были также поставлены задачи расширить жилищное строительство и принять меры, поощряющие приобретение семьями скромного достатка собственного жилья благодаря льготному ипотечному кредиту. Пенсионерам было обещано увеличение минимальных выплат, но при отмене особых режимов, дающих некоторым профессиональным категориям право на более ранний уход с работы и более короткий трудовой стаж. С учётом уроков студенческих волнений кандидат СНД обещал укрепить дисциплину учащихся, но одновременно модернизировать учебные помещения и расширить автономию университетов.

Средства для всего этого, оценивавшиеся в пределах от 15 до 30 млрд. евро, предполагалось изыскать за счёт экономии на административных расходах (замена двух уходящих на пенсию чиновников одним), приватизации госмонополий и повышения темпов роста производства благодаря налоговым льготам. Госдолг было обещано сократить с 65 до 60% ВВП.

Во внешней политике Саркози намеревался придать новый импульс евростроительству заменой проекта Конституции ЕС, отвергнутой на референдумах во Франции и Нидерландах, кратким «упрощённым» договором, отказаться

от принятия в ЕС Турции, улучшить франко-американские отношения, пострадавшие в связи с войной в Ираке, создать Средиземноморский союз и расширить сотрудничество с Африкой, чтобы, в частности, взять под контроль идущий оттуда в Европу поток нелегальных мигрантов.

Со своей стороны, Руаяль вполне естественно для кандидата соцпартии выдвигала на первый план социальные вопросы. 35-часовая рабочая неделя должна была, по её мнению, не только сохраниться, но и применяться более последовательно, позволив создать 500 тыс. рабочих мест для молодёжи. Имелось в виду также повысить минимальные пенсии на 5%, сохранить особые режимы для работников с тяжёлыми условиями труда. Многодетным матерям была обещана зарплата по уходу за детьми, университетам – бюджетные субсидии на помощь в трудоустройстве выпускников. Семьям скромного достатка было обещано пособие на жильё с умеренной квартплатой, объём строительства которого должен был достигнуть 120 тыс. квартир в год. Особое внимание уделялось охране окружающей среды.

Финансировать все эти и многие другие дорогостоящие меры также предлагалось не только за счёт сокращения госаппарата путём упразднения дублирующих министерств, что обещал и Саркози, но также перераспределением налогового бремени под лозунгом «капитал должен платить больше, чем труд».

Существенным отличием программы кандидата соцпартии являлось обязательство разработать и вынести на референдум проект новой Конституции Шестой республики, расширявшей права парламента и частичном пересматривающей избирательное законодательство, вводя в него в какой-то степени пропорциональное представительство (что Саркози категорически отвергал).

Во внешней политике Руаяль ограничилась предложениями скорректировать отвергнутый французами проект Конституции Евросоюза и вновь вынести его на референдум, активизировать деятельность ЕС в энергетике, научных исследованиях, общественных службах, защищать пра-

ва человека, занять жёсткую позицию в отношении ядерной программы Ирана (в том числе даже мирной).

Сопоставление этих программ показывает, что они различались как ценностными установками, так и подходами к решению конкретных проблем. Саркози выступал под флагом традиционных правоконсервативных лозунгов защиты закона и порядка, частной собственности, национальной идентичности. Именно этим объяснялась, в частности, резкая критика им событий мая 1968 г., которые он объявил началом моральной деградации французского общества – распространения вседозволенности, упадка трудовой этики и т.д. В свою очередь, Руаяль осталась верной присущим всем левым партиям лозунгам социальной справедливости, расширения демократии, участия граждан в обсуждении касающихся их проблем, диалога государства с гражданским обществом. Отсюда – избранная ею тактика проведения встреч с избирателями по всей стране, предложения которых она обязалась сделать основой своей программы.

Вместе с тем просматривались и определённые точки соприкосновения, диктуемые стремлением не дать конкуренту возможности монополизировать выгодные темы предвыборной пропаганды. Стремясь отбить обвинения в авторитаризме, Саркози обещал предоставить правовой статус оппозиции, отдав ей, в частности, важный пост председателя финансовой комиссии Национального собрания, готовящей проект бюджета, назначать чиновников на высокие административные посты по согласованию с парламентом, что до сих пор являлось прерогативой президента на заседаниях Совета министров. Со своей стороны, Руаяль, дочь полковника колониальной армии, охотно прибегала к необычной для социалистов национал-патриотической риторике (ссылки на «Марсельезу», трёхцветное знамя).

Такой взаимный плагиат выявил новую для французской политической жизни тенденцию к появлению контуров ограниченного, но всё же реального консенсуса по некоторым ключевым проблемам, стоящим перед страной. Хотя различия правых и левых ценностей сохранялись, речь боль-

ше не шла о выборе между взаимоисключающими идеологиями и общественными системами (капитализм – социализм). Если в прошлом противоборствующие партии оспаривали не только позиции соперников, но и саму их легитимность, то сейчас необходимость модернизации страны на основе рыночной экономики и политической демократии никем не ставилась под сомнение. Объектом борьбы за власть становились конкретные пути модернизации, а главное – её цена для тех или иных социальных слоёв: если, например, Саркози обязался снизить потолок налогов с личных доходов с 60 до 50%, то Руаяль, напротив, обещала сохранить и увеличить налог на крупные состояния 160 тыс. богатейших семей страны.

На этом фоне в исходе выборов возрастала роль персональных качеств претендентов на Елисейский дворец. Левая оппозиция сосредоточила огонь на личности Саркози, обвиняя его в диктаторских замашках, способных расколоть французское общество (отсюда лозунг – «Кто угодно, только не Саркози»), тогда как правые ставили под сомнение административный опыт Руаяль, её способность принимать ответственные государственные решения и достойно представлять страну на международной арене (в её послужном списке фигурировали лишь пара второстепенных министерских постов, связанных с народным образованием, и пост председателя регионального совета Пуату-Шарант).

Первый тур президентских выборов 22 апреля 2007 г. не только показал высокую активность избирателей, но и выявил их склонность «голосовать с пользой», то есть отдать сразу же предпочтение кандидату доминирующей партии как в правом, так и в левом лагерях: Саркози получил 31% поданных голосов, Руаяль – 25,1%, что в сумме значительно превышало половину всего избирательного корпуса (20 из 36 млн. французов, принявших участие в голосовании).

Результат председателя СНД на треть превысил результат его предшественника Ширака в ходе первого тура всех четырёх президентских кампаний, в которых последний участвовал с 1981 г., и в 2,5 раза – результаты двух других

правых кандидатов, вместе взятых: лидера Национального фронта Жан-Мари Ле Пена (10,7%) и традиционалистского консерватора Филиппа де Вилье (2,29%). По сравнению с предыдущими выборами 2002 г., когда Ле Пена удалось прорваться во второй тур, он потерял более трети своих сторонников.

Результат Руаяль также был в 2,5 раза выше суммы голосов пяти остальных левых кандидатов – коммунистки Мари-Жорж Бюффе (1,95%), троцкистов Оливье Безансено (4,15%), Арлетт Лагийе (1,34%), Жерара Шивари (0,34%), «зелёной» Доминик Вуане (1,57%) и антиглобалиста Жозе Бове (1,31%). На долю экзотического защитника «охоты, рыбалки и народных традиций» Фредерика Ниуса осталось 0,34%.

Потенциальные резервы каждого из двух основных кандидатов, вышедших во второй тур, на крайних флангах правого и левого лагерей были почти равны – по 10–11%, но у Саркози изначально имелась солидная фора в шесть пунктов. В таких условиях арбитром конечного результата становился кандидат центристского «Союза за французскую демократию» (СФД) Франсуа Байру, неожиданно набравший 18,76% голосов – втрое больше, чем на последних президентских выборах 2002 г., где он впервые выдвинул свою кандидатуру.

Этот эфемерный успех вряд ли объяснялся притягательностью программы Байру, представлявшей собой противоречивую смесь предложений правого и левого кандидатов. Основной упор делался на помощь мелким и средним предприятиям – классическому электорату центристов, расширение прав регионов, пересмотр действующей Конституции в парламентском духе, введение пропорционального представительства партий на выборах, продолжение европейской интеграции путём проведения нового референдума по скорректированному проекту европейской Конституции.

За Байру проголосовала часть левых избирателей, которая была разочарована кампанией Руаяль, не верила в её

шансы на победу и считала центристского кандидата более эффективным противником Саркози во втором туре. Однако большинство лидеров СФД, в том числе 22 депутата из 29, решительно поддержали Саркози.

Это было неудивительно. СФД был создан накануне парламентских выборов 1978 г. по инициативе тогдашнего президента Жискара д'Эстена на базе его небольшой правоцентристской Республиканской партии, которая при де Голле и Помпиду была сателлитом голлистов. Когда либерал Жискара д'Эстен стал в 1974 г. главой государства, ситуация изменилась. Лидер неоголлистов Жак Ширак, вначале поддерживавший его и назначенный премьер-министром, вскоре превратился из союзника в соперника хозяина Елисейского дворца, не скрывая намерения занять его место. Раскол правых привёл к поражению Жискара д'Эстена на президентских выборах 1981 г. и победе социалиста Франсуа Миттерана.

Создание либерального и европейского СФД было задумано Жискаром д'Эстеном как противовес шираковскому «Объединению в поддержку Республики» (ОПР) внутри правого лагеря. Однако на протяжении последующей четверти века либерал-центристы играли роль лишь младших партнёров неоголлистов.

Постепенное сближение программ и социального состава электоратов обеих основных правых партий привело к тому, что перед президентскими выборами 2002 г. они слились в «Союз за народное движение» (СНД), ставший «партией власти» – главной опорой сначала Ширака, а затем Никола Саркози в ходе президентской кампании 2007 г.

Хотя Ф. Байру являлся в 1993–1995 гг. министром народного образования в правоцентристском кабинете Эдуарда Балладюра, он отказался примкнуть к СНД и создал собственную партию под вывеской «Современная демократия» (МОДЕМ), надеясь играть роль «довеска», необходимого для победы как правым, так и левым партиям. Однако этот расчёт не увенчался успехом: зависимость центристских кандидатов на парламентских и местных выборах от

близких идейно-политически и социально избирателей правых партий обрекала их на блокирование с последними перед вторым, а иногда даже перед первым турами голосования.

Поэтому неуверенный, колеблющийся флирт Байру с Руаяль, которая сначала сулила ему в случае победы пост премьер-министра, но затем уклонилась от этого обещания под давлением левого крыла соцпартии, не мог изменить общую расстановку сил: даже при расколе электората центристов на равные части чаша весов склонялась в пользу Саркози. Опросы общественного мнения показывали, что приоритеты программы последнего, как и стиль его кампании – энергичный, напористый, отличавшийся доскональным знанием фактов в ходе прямых дебатов, импонировали аудитории куда больше, нежели сентиментальные проповеди Руаяль. Характерно, что свыше половины левых избирателей поддерживали её только из антипатии к личности Саркози, тогда как 60% правых голосовали именно за него.

Наконец, важнейшим фактором, определившим победу правого кандидата, являлась прямая или косвенная поддержка Саркози бизнес-сообществом (патронатом), верхушкой кадровой администрации, большинством СМИ, как и руководством ведущих партнёров Франции по ЕС и НАТО – тогдашним президентом США Бушем-младшим, канцлером ФРГ Меркель, премьер-министром Великобритании Блэром, которых тот посетил. В то же время с Руаяль солидаризировались за рубежом лишь испанский премьер социалист Сапатеро и итальянский левоцентрист Проди, а её поездки на Ближний Восток и в КНР прошли незамеченными и сопровождались дипломатическими промахами.

С учётом всех этих факторов исход второго тура был предсказуем. 6 мая за кандидатуру Саркози отдали свои голоса 53% избирателей, принявших участие в голосовании (18,9 млн.), за Руаяль – 46,94% (16,8 млн.).

Разрыв между ними соответствовал среднему уровню предыдущих президентских выборов Пятой республики: в 1965 г. де Голль получил 55,5%, Помпиду в 1969-м – 58,2,

Жискар д'Эстен в 1974-м – 50,8, Миттеран в 1981 и в 1988 гг. – по 54,0, Ширак в 1995-м – 52,6%. В 2002 г. полученные тем же Шираком 82,2% были следствием особых обстоятельств – выхода во второй тур лидера Национального фронта Ле Пена, против которого левые избиратели волей-неволей сомкнулись с правыми. Коль скоро резервы с крайних флангов были мобилизованы кандидатами целиком, а центристы разделились, результат президентских выборов 2007 г. можно считать вполне закономерным.

Распределение поданных за обоих кандидатов голосов вполне соответствовало географии зон преимущественного преобладания правых и левых партий, прочно устоявшихся на протяжении долгого времени. Саркози добился наибольших результатов в западных и восточных регионах, где сохранилось значительное влияние католической церкви, части Центрального массива, Руаяль – в северо-восточных и южных.

Не менее традиционно выглядела и социальная, гендерная, возрастная структура их электоратов. Саркози привлёк симпатии обычных правоконсервативных избирателей – предпринимателей, торговцев и ремесленников, фермеров, лиц свободных профессий, то есть представителей более или менее обеспеченных средних слоёв, проживающих в деревне, малых и средних городах, богатых западных кварталах столицы (недаром он был мэром фешенебельного пригорода Парижа Нейи-сюр-Сен и председателем генсовета самого богатого департамента Франции Верхняя Сена), причём ему отдали голоса, скорее, мужчины пожилого возраста, особенно пенсионеры.

В свою очередь, за Руаяль голосовали рабочие, служащие низшего звена, особенно работники госсектора – систем народного образования, транспорта, связи, учащаяся молодёжь, безработные.

Вместе с тем преимущество географии и структуры электората Саркози сочеталась с некоторыми сдвигами, которые в конечном счёте и предопределили его избрание с перевесом примерно 3 млн. голосов. Своей победой он был

обязан двум категориям избирателей: с одной стороны – управленческим кадрам высокотехнологичных секторов экономики, а с другой – части протестного «народного» электората, перешедшего от ультраправого Национального фронта Ле Пена и привлечённого, к тому же, национал-патриотической риторикой. Однако если менеджеры современных отраслей видели в избрании Саркози залог радикальной модернизации французского общества, то протестные избиратели – обеспечение безопасности граждан более энергичной борьбой с преступностью и ужесточением иммиграционной политики. Основная же масса его электората, консервативные средние слои, ждала лишь окончательного демонтажа остатков прежней, дирижистской, модели – снижения налогов, обязательных выплат в кассы соцстраха, либерализации рынка труда, иными словами, скорее, корректировки статус-кво, нежели коренных изменений. Хотя эти противоречивые надежды, питаемые двусмысленностью программы Саркози, на первых порах совпадали, рано или поздно они должны были разойтись, что и произошло с развёртыванием мирового финансово-экономического кризиса.

Полувеком ранее схожее размежевание произошло среди избирателей основателя Пятой республики генерала де Голля. Часть их надеялась на спасение «французского Алжира» и смягчение последствий европейской интеграции для архаичных отраслей экономики, другие, наоборот, добивались деколонизации и форсированной модернизации, диктовавшейся требованиями евростроительства. Когда же эти ожидания оказались несовместимыми, неизбежный раскол голлистского электората не только нанёс тяжёлый удар «партии власти», но и привёл в конечном счёте к уходу с политической арены её вождя.

Победа Саркози на президентских выборах при всей её убедительности ещё не могла считаться окончательной: 10 и 17 июня 2007 г. предстояли очередные выборы в нижнюю палату парламента (Национальное собрание). В принципе их результаты были заранее predeterminedены: новый

глава государства просил избирателей лишь подтвердить их недавнее решение, дав ему прочное правительственное большинство депутатов для проведения в жизнь программы, только что одобренной ими. Именно так поступали Миттеран после президентских выборов 1981 и 1988 гг., затем Ширак в 2002-м.

Деморализованная поражением своего кандидата социальная партия могла противопоставить этому лишь призывы не отдавать правым всю полноту власти, сохраняя в противовес ей достаточно весомую левую оппозицию. Однако данный аргумент звучал неубедительно: в 1997–2002 гг., когда премьер-министром был социалист Жоспен, социальная партия оправдывала все промахи его правительства вынужденным «сожигательством» с правым президентом Шираком и призывала избирателей создать на следующих выборах политически однородное президентско-парламентское большинство, но неудачно. Теперь тот же аргумент с успехом использовался правыми.

Важным шагом в подготовке парламентской кампании стало формирование нового правительства. Как и ожидалось, на пост премьер-министра был назначен руководитель предвыборного штаба Саркози Франсуа Фийон, неоднократно занимавший в прошлом ключевые министерские посты, в частности министра по социальным делам.

В то же время Саркози объявил о своей готовности к «открытию» будущего парламентского большинства в сторону центра и даже левого лагеря, представители которого приглашались занять посты в новом правительстве, расширяя тем самым политическую базу нового президента и разделяя с ним ответственность за намеченные реформы. На первых порах этот манёвр, казалось, увенчался успехом: в первом составе кабинета Фийона социалисты Бернар Кушнер, основатель международных гуманитарных организаций «Врачи без границ» и «Врачи мира», стал министром иностранных дел, Жан-Пьер Жуйе – госсекретарём по европейским делам, бывший национальный секретарь социальной партии по экономическим вопросам Эрик Бессон, перешедший

на сторону Саркози уже в ходе предвыборной кампании, – госсекретарём по анализу перспектив политики государства.

Аналогичная тактика не раз применялась предшественниками Саркози: Помпиду, Жискара д'Эстен, Ширак справа, Миттеран слева регулярно пытались расширить своё большинство за счёт центристских группировок в обмен на министерские портфели для их лидеров. Саркози лишь пошёл дальше, стремясь переманить на свою сторону даже некоторых представителей левой оппозиции, но, как показали дальнейшие события, с весьма ограниченными, а в конечном счёте негативными политическими результатами.

Кампания перед парламентскими выборами, содержание которой в основном повторяло только что прошедшую президентскую, вызывала среди избирателей гораздо меньше эмоций. Неудивительно, что число участвующих в голосовании резко сократилось, упав на четверть. Число воздержавшихся побило абсолютный рекорд за всю почти полувековую историю Пятой республики – оно составило около 40% зарегистрированных избирателей.

Президентская партия СНД добилась, как и прогнозировали опросы общественного мнения, абсолютного большинства депутатских мандатов в новом составе Национального собрания – 314 из 577. Однако это было значительно меньше того, на что рассчитывало её руководство, надеявшееся получить 440 мест. Соцпартии удалось сохранить лицо – ей достались 185 депутатских мандатов, что на 36 больше того, чем она располагала в предыдущем составе нижней палаты.

Остальные партии продолжили процесс неуклонной маргинализации. Хотя коммунисты несколько улучшили свои позиции по сравнению с президентскими выборами, получив более 4% голосов и 15 депутатских мест, этого оказалось недостаточно для формирования самостоятельной парламентской фракции (минимум 20). Союзникам соцпартии – левым радикалам досталось семь мест, «зелёным» – четыре. На крайне правом фланге усугубился кризис Национального фронта, потерявшего треть голосов и не

получившего, как и в прежнем составе нижней палаты, ни одного мандата.

Тяжёлый удар был нанесён и по надеждам центриста Байру на весомое парламентское представительство, которое могло бы играть в будущем роль арбитра между правым и левым лагерями, каковым он пытался выступать между двумя турами президентских выборов. Созданная им на базе СФД партия «Демократическое движение» (МОДЕМ) провела всего-навсего трёх депутатов, тогда как праволиберальному крылу СФД, сотрудничавшему с СНД и отколовшемуся под вывеской «Новый центр», досталось 22 мандата и важный пост министра обороны (Эрве Морен), что дало возможность его представителям создать собственную фракцию – послушного сателлита правящей «партии власти».

Общие итоги президентских и парламентских выборов во Франции в 2007 г. свидетельствовали прежде всего о высокой демократической культуре её граждан. Об этом говорили не только качество дебатов и исключительная активность избирателей, но и отсутствие, несмотря на накал страстей, сколько-нибудь значительных инцидентов или жалоб на нарушение избирательного законодательства.

Вновь подтвердилась давно зревшая тенденция к преобладанию центристских сил над центробежными, bipolarизации политического поля – сосредоточению голосов избирателей как в правом, так и в левом лагерях вокруг двух умеренных системообразующих партий, способных периодически сменять друг друга у власти и в оппозиции без революционных потрясений, столь свойственных Франции в прошлом. Этот аналог двухпартийной системы при падении влияния национал-экстремистов справа и социал-популистов слева выглядел шагом к модернизации партийно-политической системы страны, долго страдавшей от чрезмерной многопартийности. Поглотив значительную часть электората Национального фронта, Саркози, казалось, преодолел раскол правого лагеря точно так же, как Миттеран сделал это четверть века назад в левом, перетянув к соцпартии основную массу коммунистических избирателей.